

Александр Марков

Памяти

Маркова Федора Кузьмина,

деда

ВОРОЖЕЙ

Петро Вешень был мужик видный, не старый и не молодой. Не старый, ибо недавно разменял пятую жену, а не молодой, ибо повторить сей подвиг выходило тяжело. Предыдущих трех жен он выгнал, а с этой разошлись миром. И в добротную хату вступила новая хозяйка - Вера.

Никто, однако, в Трехсборовке, селе у подножия седых известняковых холмов с поганой пыльной дорогой к крымским татарам и кострищами от цыганских таборов, не считал Вешеня ветреным, падким до юбок и несерьезным. Напротив, рассудительный, грамотный (выписывал аж три газеты), копейки мимо не пропустит и к хозяйству присобачит, виноградники насадил по невесть откуда присланным ему рецептам, звался он меж сельчанами головой, на зависть краснорожему, с хмельными усами и в бессменной потной под мышками рубахе, сельсоветскому председателю Мишке Бабиру.

Только от первой жены, умершей перед войной от туберкулеза, имел Петро детей - Кольку и Тольку. Была у них сестричка, да от той же пакостной болезни, что и мамка, весной послевоенной легла в землю подле родной могилки.

Оплакал Вешень дорогую супругу и от горя не отошел, как вспыхнула война, а с ней и повестка ему. Оставил двух сорванцов на попечение соседки - бездетной бабки Оришки, наказал за сестреной присматривать и с каменным сердцем уехал на фронт. Отвоевал и к зиме сорок пятого прибыл Трехсборовку. Увидел, что дочка уже вылитая мамка, увидел, что недолго ей осталось на свете - кашель и рвота, как по наследству...

С повзрослевшими пацанами закопал за тополиной рощей на раздобревшем за военные годы кладбище родную плоть - словно гранату в

душу бросил, и зажил поначалу пьяно. Ан легче не становилось. Тогда тоску придавил работой, благо ее хватало, в отличие от жратвы. Толька и Колька бабке ничего не говорили, да разве ж Петро слепой. Дичали пареньки без женской заботы, а от уставшего отца по вечерам ласки много не получишь. Бабка Оришка встречала на скамеечке возле изгороди, где грела негнущиеся ноги, жалостливо кивала головой и сетовала, что немощна сама стала пособить Петру. А сосед напротив - Пантелей Савельич, тощевый жилистый стручок, неведомо как уклонившийся от воинской повинности, хитро шурился:

- Хозяюшку, Петро, заводь поскорее. Да поллитру за совет добрый ставь.

Да и сосед справа - Богдан Ярославич, глядя грабли порыжевшими от навоза руками, кривил щербатый рот:

- Трудна-а, Петька, бирюком хлобыстать. Женись, справных краль опосля войны на каждом дереве по горсти. И хлопцев твоих выкормит, и тебя согреет...

Так день за днем и зацепилась за мозговую закорючку мыслишка, и становились призрачней две могилы за рощей. Жить-то надо.

Через месяц порог дома переступила Аня, вдова с голубыми глазами, черной косой и крикливой дочкой.

Аж за полсотни верст сыскалась невестушка, дальняя родичка свояка Богдана Ярославича. Свадьбу не справляли, не то время, да и не та оказия. Аня до мужского тела охоча была, слова при том самом разные красивые шептала жаркими губами, а после, зевая, отворачивалась и засыпала. А чего ж еще, коль любовь за воротами осталась. Да и при чем тут любовь, хозяйка появилась, и ладно. Петро волом тянул мазутную лямку в МТС, вечерами наскоро хлебал молока и нехотя отдавался соскучившейся за день Ане. А когда не отдавался, без скандалов засыпали и так. Да еще перед выходными сживали с соседями на скамейке бабки Оришки, играли в карты и судачили о трудоднях, ценах и видах на урожай. Аня молчала и сплевывала шелуху семечек. В общем, жили как жили...

Неладное заподозрила бабка Оришка. Как старуха дознала - неясно, да только встретила Петра после работы, позвала и глухо выдавила:

- Сука у тебя жена, Петька.

Тот так и споткнулся на родимой улице с традиционно оригинальным названием - Мира.

- Знаю, че говорю, - изо рта бабы Оришки гневно желтели два последних зуба. - Она Тольку с Колькой не кормит, все своей приварке спускает.

Вроде и не поверил Петро, да на другой день сказавши, что ушел на работу, вышел за ворота, подглядел в щелку, как женушка в сарай к корове потопала, и шасть в окошко. Притаился под кроватью и дождался, когда Аня с улицы загнала ребятню в хату и кормить стала. Отчетливо видел: сама молоком упивалась и дочку справно поила, Кольке и Тольке по полкружки, остаток, мол, папе, не хнычьте, а то выпорю... Бедовая была баба. Вылез Петро из-под кровати матовый, как стальное полотно. Аня руками всплеснула, хихикнула было. Вешень по столу кулачищем бухнет и при сыновьях, не стесняясь:

- Ну, стерва, убью! Утоплю в молоке...

Убить не убил, а вещички вместе с Аней за порог выбросил. Та губу закусила, вой поднять не осмелилась. Дочку смыкнула за собой - и ходу. На улице пискнула было, да спохватилась - прознают, за что выгнал, не пожалеют ведь.

Да, годы такие были, послевоенные. Каждому свое чадо жальче.

* * *

Вроде и зарекся Петро женитьбой судьбу испытывать, да какой конь об узде не думает. Тем боле, что новую супружницу баба Оришка сосватала.

Уж ведала, чай, какое добро Петру преподносит. И верно, молодлица хоть тоже вдовой помыкалась, но детьми не обзавелась. Злыдни трепались, мол, прежний ейный муж не способен к детям был и что она его капризами довела

до того, что тот аж на фронт, будучи завскладом (с купленной броней), подался и сгинул, правда, не доехав до передовой - по пьяной лавочке выпал из эшелона. Впрочем, походи проверь, в райцентре ведь жили. Ну, а баба Оришка еще до войны ей молоко отвозила - продавала, значит. Петро махнул рукой, ладно, натягну хомут еще раз, но знакомиться ехать отказался - пусть сама поспешит. Галиной ее звали. Не гордая была женщина, приехала. Невысокая, ладная, смешливая, нос с горбинкой и щеки с румянцем. Приглянулась жениху, ибо Петро и отвез ее на мотоцикле прямо к сельсовету расписываться на другой день. По ее настоянию и что-то, похожее на свадебку, отметили. Но...

Вешень поначалу с работы, как на крыльях, неся. К жене. На улице радовались: отошел мужик, прихватил счастья. Со двора все ее смех задорный, голосок щебечущий слышался. Бывало, соберется Петро на скамейке посидеть вечером с соседями, она кошкой к нему ластится, душечкой зовет. Ну, мужик краснеет от такой ситуации. И никто ни о чем не догадывался. Полгода только-то и прошло, как вечером на той же скамеечке она привычно стала ластиться к Петру и ворковать, домой, мол, пойдём, дорогушка. Вешень как отдернет се руку, как вскинется:

- Да заманала ты меня. Иди к чертовой матери!

У соседей челюсти потрескались от напряжения. Вот была неожиданность. Галина же побледнела, улыбнулась нервно:

- Дурачок мой, не заболел ли ты?

- Прочь отсюда, змеюка, всего высосала. - Петро кинулся к себе во двор, кричал что-то, завел мотоцикл и на всю улицу жене:

- Садись в коляску, отвезу хоть в райцентр, хоть в Москву, лишь бы не видеть...

Позже соседи как бы прозрели. Что ж это они не замечали, что Петро с пацанами в одной и той же одежонке ходит, а Галина в обнове каждый месяц, что печка на кухне топиться начинала тогда, как Петро с работы придет, как выходные - Петро стирает. Думали, заботой мужик о жене изошел, а она его,

как ишака, заездила. Погоняла, как хотела, и сыром в масле купалась. И звала домой вечерами не по любовному делу, а чтоб сготовил Петро чего-то. Полгода терпел мужик, срам никому не показывал. Да надорвался, видать. Галина уехала, а баба Оришка Петру с год на глаза боялась попадаться.

Толька с Колькой на свидания стали бегать, когда их батьку черт надоумил снова женой обзавестись. На сей раз никто ему никого не сватал, сам привел из МТС бухгалтершу. Ох и ядреная же была молодлица, работать любила. Как ни глянешь через забор - в огороде копается, парней кормит, Петру все почистит, выгладит, двор подметет и чуть ли не с цветами мужа встречает. И не красавица вроде, а привораживала фигурой гибкою, губами пухленькими да глазами темно-печальными. Чего греха таить, даже Богдан Ярославич, мужик нрава строгого, и тот, завидев Людмилу (так четвертую жену Петра звали), селезнем крякал и подвернувшуюся курицу досадливо пинал ногой. И Вешень довольством светиться стал. Пантелей Савельич так и сказал:

- Кажись, Петро, угомонишься ты с Людкой, а то поди всех баб перецапаешь, перепробуешь, как кабачки на базаре. Хороша женка, ставь поллитру, ей Богу, хороша. Наконец, тебе повезло.

Как сказал, так и сглазил.

На сей раз порок в виде женщины пришел к Вешеню не жадностью людской и не разгульностью, но гнуснее, ой, куда гнуснее.

В одно воскресенье Петро возвращался из райцентра на мотоцикле, а тот и сломался километра за полтора от дома. Притопал Вешень домой пешком, в сарай подался за деталью нужной, а как дверь открыл - и в столб обратился. На топчане Людмила полураздетая лежит, а рядом скукоженный и в красных пятнах сын Колька. Не ожидали, что Петро их мотоциклом не предупредит.

- Ах и зараза, - только и выдавил Петро через десять минут, обретя дар речи, а трясущимися руками снимая с брюк солдатский пояс. - Изуродую

обоих.

- Пап, она сама меня сюда затащила. Я не знал, зачем, - трусливо захныкал Колька.

А Людмила вдруг, оправив смятую одежду, резво подскочила к Петру да злющим шепотом в лицо:

- А что ты хотел, когда в тебе мужик раз в неделю просыпается. Ну, не раз в неделю, конечно, это она загнула, да Петра тем и добила. Тот пятерней мозолистой и в ее наглуую рожу. Приложился неплохо. В МТС по уши закутанной пару недель ходила.

И опять зажил Вешень один. Сыновья скоро в армию загремели, затем, вернувшись в родное гнездо, помаялись и разлетелись кто куда. Вешень съездил на две свадьбы не переводя дух, а через год в одно прекрасное утро проснулся дедом. Отличился Толька, одарив внуком Сашкой.

По сему случаю Петро собрал стол и к столу пригласил соседей и смачно отметил выдающееся событие - продолжение рода. А когда захмелели, Пантелей Савельич, глядя на Петра через грани потеющего стакана, заикнулся:

- Так и будешь бобылевать, а? Не хмури, не хмури. Одному куковать в таком домине тошно, поди? А-а, то-то и оно. Слушай, Петро, че скажу. Есть у Меня племяшка, седьмой год без мужика, током его убило. Не девка, ко-нешно, но и не лядва какая там. Может, и выйдет это самое. Давай на недельке с ней в гости заскочу к тебе, покалякаем, может, и приглянетесь, а? По Рукам?

Петро пьяно кивнул и чокнулся стаканом с будущим сватом. Договор состоялся.

Так Вешень пятый раз нырнул в прорубь.

Настасья, она же племяшка, оставляла сильнейшее впечатление. Редкий мужик мог устоять перед ней. И дело было не только в настасьином высоком росте, монументальной, что наковальня, груди и кулаках, в которых могла

укрыться трехлитровая банка, но и в завораживающем душу голосе, который на лету мог сшибить все чувства и даже самолет. Правда, о последнем достоинстве Настасьи Петр узнал несколько позднее. И ведь никто силком не тянул его на очередную женитьбу, тем более, на смотринах стало ясно, что Пантелей Савельич явно поскромничал насчет племяшки, и вполне вероятно, ее предыдущий муж взял в руки провод осознанно. Но то ли долго Вешень жил один, то ли неудобно стало отказывать - а знать обидеть - соседу. Но - скрипнули половицы вешенского дома под пятой новой хозяйкой, а, может, и застонали.

Брачный союз длился малость. Через две недели двор Петра сотряс рев турбины - это Настасья выразила мелкое недовольство по поводу разбитой случайно Петром бутылки с подсолнечным маслом. Это масло составляло треть приданого невесты. Петро сутулился и виновато краснел ушами. В ближайший субботний вечер парходный гудок известил улицу о настасьиной досаде, на этот раз по случаю прихода Петра домой поддатым - кому-то помогал крышу стелить, ну, и, само собой, после крыши - того. Петро вспыхнул, и гудок перерос в вой торнадо, так что пришлось Пантелею Савельичу, перекрестившись, наводить порядок в гавани. О прекращении перемирия между любящими супругами ровно к следующей субботе красноречиво свиетельствовал синяк под левым глазом у Петра. Богдан Ярославич сунулся было с любопытным вопросом, но уцелевший в междоусобице правый глаз Вешеня испепелил интерес соседа, и тот лишь попросил закурить.

Петро не был сеновалом, и как только синяк сошел, а с ним и радость совместной жизни, объяснил Настасье, что если она по-хорошему не уйдет, то он, Петро, в лучшем случае станет пьянью болотной, импотентом или дураком, а в худшем зарубит жену топором, ненароком задушит ночью или запалит хату Пантелея Савельича, как свата. Пантелей Савельич, разумеется, прознав, испугался и стал думать, как приструнить Настасью или убрать ее из дома Петра, а то кто знает, что у Вешеня на уме, глядь - и впрямь подожжет. Тут и

случилась оказия, и все с нею ускорилося.

Настасья пришла в сельсовет за какой-то бумажкой, которую нужно было скрепить круглой печатью. В сельсовете сидел один Мишка Бабир, абсолютно трезвый, а потому и сердитый. Он не оценил возможности Настасьи, а буркнул, что, дескать, нужно заходить в приемные часы или соображать, как можно все уладить и в неприемные.

- А у тебя рука отсохнет, что ли, печать шлепнуть? - искренне подивилась Настасья.

- Делать мне больше нечего, - процедил глава Трехсборовки.

- Конечно, нечего, а ну, ставь быстро, - кулак Настасьи внушительно оперся на стол.

Но Бабиру стало обидно, что к власти такое наплевательское отношение, и он упрямо замотал головой.

- Ах ты гавнюк, падла вонючая, я тебя в твоих кишках выжму и засушу, - защебетало по сельсовету и окрестностям.

После этого раздался характерный стук упавшего графина и треск ломающегося стула. Затем из двери пулей вынесся потный Бабир, держась за бок. Маневровым тепловозом за ним пыхтела Настасья. Привлеченные неожиданным спектаклем, у сельсовета стали останавливаться трехсборовцы, терпеливо ожидая кульминации. А Бабир бегал вокруг сельсовета, и Настасья упорно не хотела отставать, оглашая воздух такими забористыми ругательствами, что у мужиков, стоявших поодаль, невольно цокали языки от восторга.

- Она же сумасшедшая, курва, - орал Бабир, усиливая тем самым ярость погони.

Все же он умудрился заскочить в здание и закрыть дверь на крючок. Пока та стойко выдерживала оглушительные удары, председатель набрал номер телефона (нет, не милиции, ибо прекрасно представлял, что станет посмешищем) больницы и сообщил о буйном помешательстве некой

гражданки, которая ломится в государево учреждение с каменюкой.

Стремительный приезд скорой и белые халаты оказали на Настасью то же действие, что красные лохмотья на быка. Но битва оказалась неравной, впрочем, и Настасье дошло, что она немного неправа, но было поздно. Ее увезли на обследование.

Тем же вечером Петро ликующими шагами пересек улицу и постучал в ворота Пантелея Савельича.

- Вот, - он тяжело выдохнул, ставя во дворе два чемодана и кошелку. - Это барахло твоей племяшки. С умалишенной жить не желаю, и ни один суд не заставит. Растолкуй, когда ее выпустят. А не растолкуешь, тебе хуже и будет, - Вешень решительно сплюнул и поворотил назад.

Пантелей Савельич озадаченно поскреб затылок, но вынужден был признать правоту соседа, затем и смолчал.

Настасью выпустили на следующее утро, и ее встретили наглухо задраенные ворота и угрюмые замки со стороны отсутствующего мужа и открытая калитка и затуманенный дядя с противоположной стороны. Как и что они там говорили, осталось тайной, но Настасья к Петру больше не являлась, а Пантелей Савельич вскоре сообщил, что уехала она куда-то на север, и при этом загадочно улыбался.

Петро при случае заглянул в сельсовет и поставил опешившему Бабиру бутылку перцовки, на том его пятая совместная жизнь закончилась.

Такова была удача Петра Вешеня, обычного славянина, отличающегося от всех иных обычных представителей рас, наций и народностей тем, что славянин является вместилищем абсолютно всех известных и необнаруженных пороков и добродетелей. Первые и вторые настолько цельно уживаются в одном характере, поступке, порыве, устремлении, жизненном пути, и, то залегая, то бурля в вулкане души, сотворяют непредсказуемого, одержимого,

благородного, мерзкого, мятущегося, странного человека, который и предстает перед розовощекимым стерильным западным типом как загадочный русский феномен.

Казалось бы, столь ярко анатомированный Достоевским, Толстым и Гоголем, тем не менее сей феномен раздражает и поражает необузданной глубиной или ужасающей плоскостью в том или ином случае. Середина, как правило, отсутствует или похожа на скучных героев бальзаковской комедии или диккенсовских путешественников. Суть вообще-то проста. Славянский тип тоже... прост. Как вода. Чего проще - описать воду. Попробуй опиши. Это же не глаза, скажем, описывать в олдингтоновско-платоновском восприятии, не блюмовско-джойсовскую бледную клоаку занюхивать, не восхитительные вечера Камю чуют на благоуханных страницах, не слезы лить над сюсюкающими героями новелл Цвейга. Славянский герой - из другой оперы. Но, повторяю, опиши воду. Нет ничего проще - всем понятна, все пользуются. Два номинала водорода на один номинал кислорода, какие проблемы, какой там спектр? Стоило ли Достоевскому так утруждать себя? Но... воду никто не описывал, как те же женские очи. Вернее, так не описывал А без воды никуда, как ее ни презирай, и без русского феномена мировая цивилизация тоже никуда. Впрочем, это мысли по иному поводу.

Встреча Петра с будущей шестой женой, разумеется, разочаровала бы любителей романтических любовных приключений в стиле Сабатини или Санд. Она была насколько обыденна, настолько и неожиданна для моих героев, по их взгляду на этот мир, но сера и безыменна для воспаленных читательских сердец.

В тот день, а это было не позже, чем через пару недель после мирного развода с Настасьей, к Петру на подворье зашла самая обычная контролерша «Водоканала» измерить расход воды в его колонке.

- Здравсьте, - весело поприветствовала она мрачного Петра, мастеровившего тачку для травы.

- Чем обязан? - Вешень промахнулся ключом по гайке и ласково поглядел на визитершу.

- Да чего это вы бирюк бирюком, я же не в жены к вам пришла набиваться, - черные брови контролерши удивленно вздулись. - Давайте воду смотреть поскорее, а то еще и утопите, мало что в голову взбредет.

Вешень, совершенно уверенный в том, что теперь стоит ожидать кучи всяких контролерш, от ЖЭКовских до СЭСовских, дабы воспользоваться оказией - поглядеть на идиота, дюжившего с умалишенной, устроившей скандал самому Мишке Бабиру, был приятно разочарован.

- Меня, кстати, зовут Верой, - женщина опять улыбнулась. То ли огромная разница между ее бесхитростным поведением и тупой агрессивностью Настасьи, то ли здоровое женское начало, незнаемое со времени смерти первой жены, то ли солнечный день, то ли бесшабашность, умудряющаяся вдруг заявиться даже в самой толковой славянской голове, то ли черт его знает что, от чего уж и на следующее утро заикаешься - неужто это я залепил? - в общем, Вера запала в душу Петру. А вот в ней-то и не было ничего примечательного - самая обыкновенная женщина, не на что и глаз положить, чтобы, как принято, отобразить цвет волос, нежность шеи, узость стана, стыдливость губ, узоры груди и прочее, прочее, прочее. Или он просто устал от одиночества, от которого не избавился и при скороспелых женитьбах, где женщины могли принести покой желудку, желанию, соседскому общественному мнению, но не душе собственной. И вдруг в этой неброской выцветающей женщине инстинктивно почувствовал то, что, наконец, согреет стареющую душу. Видимо, какая-то перемена произошла и внешне, ибо контролерша стусеивалась и пробормотала:

- Вы извините, что не так сказала. Да не смотрите же так.

- Как так? - спохватился Петро.

- Да как... мой муженек бывший, когда на поллитру клянчил.

Петру почему-то стало очень тепло внутри, когда он услышал это «бывший», но, устыдившись подобной теплоты и припомнив свое небезгрешное многоженство, опустил голову и остервенело стал закручивать гайку.

Когда контролерша, сделав замеры и выписав какую-то квитанцию, повернула к воротам, Пестро решился:

- Это самое, - прохрипел он, - как вас зовут-то?

- Вера, - женщина остановилась и настороженно посмотрела Вешеню в лицо. - А что?

- Меня Петром кличут. Так я это самое... ну это... спросить хочу, а что же с мужем-то вашим произошло? - соврал Петро.

- Развелись. Что с пьяницы возьмешь, - Вера вздохнула. - Сколько раз просила бросить, сколько раз сам валялся в ногах, прощения просил, а как прощала - начинал по новой. Вот так-то.

- Выходите за меня, я непьющий, - Петр почувствовал, что во рту у него килограмм растертого перца, по голове заехали ледяной глыбой, а в тело накачали свинец.

- Мужик-то вроде ничего, да скорый больно, - смущенно засмеялась Вера. - Подумать-то дадите?

Через месяц без всякой свадьбы, гулянки, вечеринки, ужина, чаепития Вера переехала в дом к Вешеню, и соседи от изумления забыли даже обидеться на скрытность и негостеприимность Петра.

Вот тут бы и истории сей будничной конец - обрел Петро, что искал, - да пошли тут события, да такие, что хотите - верьте, а хотите - нет. Вроде и не верю в потусторонние силы да заклинания всякие, а что было, то уж было, рассказываю, что знаю...

Сколько Вера с Петром прожили тогда, уж и не упомяну, а жили они ладно

и в добре, но дело приключилось аккурат летом. Как-то утром, вернувшись с крынкой молока на завтрак, Вера с минуту рассматривала Петра, который доедал жареную картошку, а потом невзначай спросила:

- Петро, ты чего это соль по двору рассыпал? Да и не сказал, а я бы подмела спозаранку.

- Какую еще там соль? - отмахнулся Вешень.

- Откуда я знаю, какую, - передразнила Вера весело. - Вон пойди погляди. Весь двор усеян.

Петро недоуменно посмотрел на жену, быстро выпил кружку молока и вышел из дома.

И впрямь; усеян не усеян, но где густо, где пусто - двор был посыпан солью. Ее хрусталики белели на радостном солнце и постепенно растворялись.

- Что за чертовщина? - Вешень пожал плечами и оглянулся на Веру.

Может, пошутил кто, а что тут смешного - соль по двору?

- Не знаю, - Вера была с метелкой и совком. - Только глупая какая-то шутка.

А к вечеру у Петра заболела голова. Вообще-то она стала прихватывать с обеда, но он мало обращал на то внимания. К концу смены закололо у висков - кольнет и отпустит, а когда уж домой шел, колотье с перешло в нытье. Ныло уже постоянно. Петро был рассеян и хмур, забота Веры показалась ему назойливостью, и он грубо осадил ее. А к нытью примешивалось дребезжанье где-то глубоко внутри, и хотелось схватить шило и вонзить его в череп, лишь бы остановить то дребезжанье. Выпитый чай и аспирин не помогли. Ночью Вешень не спал, ворочаясь от тупой боли, которая после дребезжанья незаметно заполонила всю голову, словно там плескался кипяток, но упрямо не хотел выливаться. Не спала и жена, в тревоге простоявшая у кровати и мучившаяся от вида мучившегося Петра.

- Вот же просквозило где-то, - постанывал утром посеревший муж. - Аж на пятку не ступить, сразу кувалдой в затылок.

Но идти в больницу отказался, сроду там не бывал, да лекари в той больнице еще какие - вон весною пенсионера схоронили от заворота кишок, а ему диагноз все аппендицит ставили. У них на все про все один диагноз - аппендицит. Да и стыдно-то, дюжий вроде, засрамят, что за больничным, мол, потянуло. К тому же оно днем, глядишь, и пройдет все.

Не прошло. Голова из чугунной превращалась в трухлявый пень, и струйками что-то в ней сыпалось и лилось, потом пень становился гранитным монолитом, и шея сгибалась от такой тяжести, а то щеки казались стеклянными стенками, прикоснувшись к которым физически ощущался в ушах звон разбивающегося хрустала. Воспаленные глаза отличали только красный цвет, превращая всякий другой в розовое марево. Ни с того ни сего невидимый кузнец принимался ковать на размякшем темени каленые обручи, и они, извиваясь жаркими змеями, жадно обхватывали покорную голову и, высыхая, сдавливали, сдавливали, сдавливали так, что становилось невозможно дышать.

Таблетки, водочный компресс, лед, просо в мешочке, ласковая ладонь Веры опять оказались бессильны. Боль властно поставила свой трон, где захотела, расселась там хозяйкой и равнодушно наблюдала за потугами против нее.

Вера сбилась с ног, плача, пришла ночью в больницу, но, кроме ворчания дремавшей медсестры и наспех сунутых все тех же таблеток аспирина, ничего не добила. А Петро уж не ворочался - метался по расстеленной кровати, сминая в комок простыни, запихивая в щель между стеной и фигурной кроватной дужкой вытканное летнее одеяльце, разбрасывая негнушимися руками подушки. То ли в бреду, то ли наяву в окнах на него пялились пакостные рожи в прыщах и омерзительные щербатые морды, выпучивая гнилые немигающие бельма в его сторону и облизываясь сухими и верткими, как хвосты ящериц, языками... Утром Петро мужественно уговорил себя вести в больницу.

Врач, маленький лысый мужичок средних лет, с густыми усами и свиса-

ющей из нагрудного кармашка халата авторучкой с обнаженными натурами, откровенно лениво и полупрезрительно разглядывал Петра как бездельника, выдумавшего боль, чтобы тут же смотать на неделю на рыбалку или свадьбу к тетке. Он записывал что-то с Петровых слов, снисходительно кивал и почему-то мекал:

- Известный... ме-е... симптом. Так я... ме-е.. и думал. Петро, замолчав, мелко щурился в переносицу врача. Что же, и такие бывают спасителями. Избавит от боли, крышу бесплатно перекрою ему. А на вид-то ущербный сам...

- Вот, - врач поднялся и протянул исписанный бланк рецепта. - В аптеке купите, это не дефицит. Принимать три раза, и как рукой снимет.. Больничный не дам.

- Не нужен мне больничный, - прогремел Петро, и обнаженные натуры даже вроде как подмигнули ему.

В аптеке недовольная посетителями, клопами или жизнью дряблая продавщица, скользя по рецепту, вытащила из-под прилавка несколько упаковок... аспирина.

- Это что? - Петро уставился на аспирин так, будто ему предложили сушеных тараканов.

- Что выписали, что! - продавщица жертвою людского тупоумия глядела в потолок. - Три раза в неделю тьфу, в день после еды, можно и перед.

- А кроме таблеток, еще что? - робко прошептала Вера. - Там же много написано.

- Это вы думаете, что много знаете. Ничего врач больше не прописал. Остальное - дозировка, - продавщица еще раз снизошла до этих олухов.

- Ах ты швабра горбатая. Я бы тебя с этим врачом связал бы и в помой запустил, - заорал Петро, и тут же схватился за голову, но, пересилив себя, смахнул таблетки и грузно растер их подошвою башмака. Сплюнул и позвал Веру:

- Че ты с ней разговариваешь, вишь нос воротит, словно ей в задницу

ночью жеребец одним местом въехал...

Первый и последний визит в местную больницу. Теперь Петра и под ружьем было не заставить прийти в заведение, в котором, по его непоколебимому убеждению, обитали коновалы и могильщики. Даже после, многие годы спустя, сильнее всего обидеть его значило послать... в больницу (примерно «иди ты...»).

Петру уже казалось, что его голова похожа на перезревшую растрескавшуюся дыню, из которой спокойно сочится мутно-гниющая жижа, и возле нее снуют грязно-серые кучи мух, ос и гусениц, назойливые, злые и жирные, ненавидимые и пожираемые друг другом и все же лакающие, лакающие эту муть.

Так вскоре можно было и последний раз вызвать уважение трехсборовцев, но уже не увидеть и не почувствовать этого по дороге за тополиную рощу. И Петро на все плюнул, взял недельный отпуск за свой счет и поехал в неблизкий Харьков, где, как он слышал, были настоящие врачи, а не засранцы в белых халатах.

Харьков встретил Петра хаосом разнообразных звуков, суетой и заносчивостью, так свойственной жителям всех наших крупных городов перед менее крупными, а то и вовсе некрупными иль вообще не из городов. Родное Трехсборовское отсюда почудилось ему милее и краше, и захотелось скорее снова забраться в поезд в обратном направлении.

С грехом пополам он добрал до городской больницы, когда начало смеркаться. Коридоры уже пустели, и шаги в них становились более гулкими и виноватыми. Регистраторша, выслушав путаную речь Вешеня, быстрее спланировала его в кабинет к терапевту на третий этаж, пригрозив, что врач глядишь и уйдет домой.

И точно: едва Петро обнаружил нужный кабинет, как оттуда выпорхнула светленькая в очках курносая женщина (точь-в-точь как описывают хороших врачей в наших книгах или снимают в отечественных киношедеврах с той же направленностью героев (инь)), порылась в кармане распахнутого халатика и торопливо стала закрывать дверь.

- Подождите, - взмолился Петро, напугав женщину. Она вздрогнула и выронила ключи. - К вам я, к вам. Примите, ради Бога.

- Извините, м-м, товарищ, прием окончился. Завтра утром я вас...

- Да умру я до утра, издалече приехал-то, - Петро растопырил руки, боясь, что

врач проскользнет мимо его нескладного тела, уставшего жить с такой головой.

- Ну поймите, я ведь тоже опаздываю.

- Да все понимаю, но прошу, только прошу. Как умею. Вот, если хотите, возьмите, - Петро протянул теплую и пахучую грушу. - Покушайте. Или это... ну как... деньги надо дать, а? Все дам. Но выясните, что со мной! Был мужиком, и через неделю что инвалид, и того чую, что в землю зароят...

Какая просьба мужчины не растопит женское сердце, когда эта просьба искрения, а сам проситель растерян и жалок. Да и в глазах Петра светилось что-то граничащее с отчаянием и надеждой. И женщина толкнула дверь от себя:

- Проходите.

Она выслушала жалобы Петра, подключала к его голове какие-то проводки, смотрела на приборы и чуточку барабанила наманикюренным пальчиком по краешку полированного стола. Наконец, осмотр был закончен.

Вешень мужественно ждал приговора.

- Я бессильна вам помочь, - глядя в темное окно, тихо проговорила врач. Вешень ощутил, как из сердца что-то сорвалось и упало к коленям, и те мелко задрожали.

- Да-да, бессильна. Это - не медицинское. Тут вам поможет, и не удивляйтесь, пожалуйста, поможет заговор, ворожба. У вас, по моим показаниям, с головою все нормально. Вы же утверждаете обратное. Тут чья-то злая сила вмешалась и вас морочит.

Петро настолько был изумлен услышанным, что очнулся от всего, уже покачиваясь на полке купе поезда. Убежденный тремя выписываемыми газетами в необратимости атеистического светлого будущего страны, новых свершений и завоеваний и как там еще, забывший о всякой чертовщине сразу после войны, он вдруг узнает, что помочь ему в состоянии какая-то выжившая из ума ведьма или колдун, и это во времена, когда люди по Луне начнут ползать вскоре, - и вещает ему сие не кто иной, как самый просвещенный человек. Врач! Ну, дела... У Вешеня от таких дум даже боль чуть утихла. Он сразу представил бабу Оришку в кабинете терапевта харьковской больницы, важно толкущей в ступе вонючее зелье и ставящей Петру примочки. Впечатление оказалось настолько ярким, что Петро

мимо воли засмеялся, на что снизу услышал змеиный шепот.

- Ржет, как табун лошадей, а доходягой прикидывался...

Петро почесал по груди, повернулся набок и затих. Но все же странно, черт возьми, очень странно.

К великому удивлению испереживавшейся Веры, Петро, бросив сумку у двери, пробормотав нечленораздельный «привет», опрометью кинулся к дому бабы Оришки. Когда Вера поспешила следом, муж требовательно показал рукой - оставайся.

Баба Оришка, дремавшая на табуретке под яблоней, была бесцеремонно разбужена и тут же дознана по части навыков. Спросонья старушка решила, что Вешень сошел с ума (о его болезни почитай вся улица знала), и, крестясь, стала перемещаться по табуретке так, что ее зад оказался в критическом положении. Петро с досадой подхватил накренившуюся старушку с ее сиденьем:

- Да че вы ерзаете-то? Бабир приснился, что ли? У меня же дело...

Баба Оришка оказалась несведущей по части магии. Но знала об одном старичке, жившем через два села в большом селе Сентяновка с железнодорожной станцией, какими-то исполнительными дураками прозванной Фрунзе, хотя последний отродясь там не бывал, не воевал и социализм не строил. Только вот жив ли старичок?

Петро бросился домой, едва не сбив в воротах вконец сомлевшую от непредсказуемых поступков Петра жену («Ой, зря в Харьков отпустила, залечили его, ироды...»), завел мотоцикл и, распугав шествовавших по улице гусей Богдана Ярославича, громко понесся по незнавшим асфальта трехсборовским проспектам.

На окраине Сентяновки, под могучим тополем Петро узрел седого деда, ожидавшегося кого-то и чертившего что-то вишневой клюкой на земле. Петро притормозил:

- Эй, дедуль, где у вас знахарь проживает, что Никодимом кличут?

- Так то я и есть он самый, тебя и ожидаюсь. Уж давно ожидаюсь, - звонким голоском прочирикал дед.

- Ну, Дела! Меня? - Петро и не заметил, как спрыгнул с мотоцикла и очутился

перед дедом. - Откуда ж знаете?

- Я все про всех знаю, - прищурился дед. - Ведал, что ты нынче нагрнешь, вот и встретишь приковылял, чтоб по Сентяновке не плутал.

- Ах, дед, дед, да где ж ты раньше был? - вскричал Петро.

- Это ты где был... - захихикал тот.

- Так скажи, что со мною приключилось, век благодарить буду. Хоть деньгами заплачу, хоть огород вспашу, хоть крышу перелагаю, - у Петра и голос задрожал.

- Ниче мне не нужно, какой с меня жилец-то, а? - дед снова захихикал. - Ты много помыкался в своей жизни, че с тебя-то еще брать. Ты лучше меня послушай, да внимательнее, а то не излечишься, не выгонишь болезнь свою черную, а сгинешь в муках страшных да скорых, - дед заговорил шепотом, но каким-то особым - колючим, вязким, заставляющим пригибаться ближе к себе и заворуженно внимать.

- Так знай: во твоём дворе слева под кустом смородины зарыта подкова. Она тебе черноту делает, она, подлая. Вырой ее, вырой, как приедешь. И - выбрось со двора куда хочешь, она потеряет свою силу. Но запомни - до заката солнца к тебе домой придет тот, кто ее зарыл, и будет просить в долг. Что угодно. Не давай. Как бы ни просил, ни плакал, ни валялся в ногах. Хоть старую бритву, хоть осколок стекла - не давай. Дашь - болезнь та, как наваждение, останется, и ты - не жилец. А не дашь - все ему перейдет. Все понял?

- Дед, а кто это, а? Чего ж он мне, падла, так заделал, а? Где я ему дорогу перешел? - заорал Петро.

- Прощай, сам все узнаешь, - веселые искорки в глазах деда погасли, и он вдруг съежился, как-то сразу одряхлел, прорезался новыми морщинами, почернел и зашатался. - Уходи... - зловеще зашелестело на Петра.

Дважды повторять надобности не было. Петро вскочил на мотоцикл И газанул. Где-то через километр, перед поворотом, он на мгновение оглянулся. То ли там еще белела седая борода ворожея, то ли от зеркальца луч солнечный скакнул, но явственно донесся тот же зловеще-жесткий звук «ухо-

ди-и-и...»

Подкову он нашел быстро и, не жалея силы, запустил ее в пустырь за огородом.

Вера уже с испугом глядела на Петра, который ни с того ни с уселся посреди двора и отрешенно вонзился ничего не выражающим взглядом в калитку. Даже есть отказался, хотя с дороги все ж был мужик. В лице Петра было что-то такое, что Вера поостереглась его трогать и твердо решила, коль Петро до ночи не угомонится со своими фокусами, то звать соседей на помощь и... там будь что будет.

Тут калитка и открылась. Петро вздрогнул и сжал кулаки. Показалась баба Оришка.

- Какого черта тебе надо? - гостеприимно осведомился Петро.

- Я... - баба Оришка от такого приема забыла и зачем пришла. За Петром печально пожимала плечами Вера.

- Может, попросить чего захотела? - вкрадчиво продолжил Петр. – Так не стесняйся, уважу.

Баба Оришка со страхом поглядела на Петра и на всякий случай засемила обратно:

- Да мне ничего не надо, Петро. Зашла проведать, узнать, как в Сентяновку съездил, мотоцикл услыхала и зашла. Так я это - пойду, ага? Пойду, - баба Оришка непривычно для нее резво покрыла расстояние до спасительной калитки и была такова.

- За что ты с нею так? - затормошила Вера нерушимого Петра.

- Нечего нос во все дыры совать, - прокомментировал тот свое поведение.

- Тю на тебя, - в сердцах крикнула Вера и скрылась в летней кухне. Солнце уже клонилось к закату, но никто больше заходить к Петру не собирался.

Кто? Кто? Кто? - стучало молотом в голове Вешеня. - Приди, чтоб я глянул в твою противную рожу. Приди...

Время тянулось медленно, но солнце садилось быстро. За воротами было тихо. Но внезапно оттуда прозвучал крик. Петро вздрогнул:

- Эй, хозяйева, есть кто дома? - громко звал Богдан Ярославич. - Петро, я с коровою, тому зайти неудобно, так ты мне того, вынеси свое сито. Моя баба сдуру на гвоздь наштрыкнула. Так позычь до завтра. Как? Утром принесу, а, Петро!

Петро выпрямился. Так, значит, Богдан Ярославич? Ах ты, оборотень в

соседской шкуре, змей вражий. Только с чего это я тебе поперек стал, что сглазить задумал. Дом мой зависть вызвал, подворье или жизнь моя путаная? Аль просто зла накопил и девать некуда? Ну погодь, погодь;

- Не дам я те сита, не проси, зара... гм, - Петро закашлял от усердия выполняемой задачи. - За ради Бога завтра приди, ноне самим надо.

Ну вот, сейчас начнет клянчить. А хитрец каков, во двор, где набедокурил, зайти-то, а! Носа не кажет. Неужто догадывается?

- Ну-то и не надо, обойдемся, - равнодушно произнес сосед за воротами, и Петра словно окатило ведром ледяной воды.

Знать, он ошибся в Богдане Ярославиче. А с чего это он на него подумал? Дожил! Не доверяет соседям. У тебя с этой головой совсем крыша поехала, как говорят молодые умники. Верно, что поехала.

Но кто же? Должен же появиться его враг - а как еще назвать таинственного человека, который с недобрыми намерениями проникает в его двор, закапывает чертову подкову, желая - неизвестно почему - зла, одного лишь зла. Но где этот человек? Или дед обманул? Или его чары оказались слабее? И что тогда? Смерть? Петро вздрогнул от ужаснувшей его мысли и тут же вздрогнул вторично: тихо открылась калитка в воротах, и к нему спокойно направился Пантелей Савельич:

- Петро, займи тройка, за сено рассчитаться приехали, а жена, как на грех к куме пошла на другой край села. Вечером отдам.

Петро потянулся в карман, настолько буднично прозвучала просьба, тут же похолодел.

- Не, нету у меня тройка, - медленно проговорил он.

- Да ты что, Петро, - удивился Пантелей Савельич, - я ж не три сотни прошу, и до вечера тем боле.

- Нету, не дам, - увереннее отказал Петро.

- Петро, Петро, ты ж сосед мой, ты чего это, а? - Пантелей Савельич зачастил. - Неужто тройка жалко?

Из кухни вышла Вера, услышавшая разговор, сердито посмотрела на Петра и вытащила из кошелька три рубля:

- Да нате, Пантелей Савельич, уж извините моего мужа.

Петро грубо вырвал деньги из рук жены и оттолкнул ее:

- А тебя никто не просил вмешиваться. Иди обратно. Ну!

- Ай-ай, Петро, как ты с женою разговариваешь, что ж ты себя и ее позоришь, - закачал головой Пантелей Савельич.

- И ты иди, сосед, не дам я тебе денег. Не дам.

Пантелей Савельич потемнел лицом и чуть сгорбился. И вдруг стал перед Петром на колени:

- Займи ты, ради всего, не жмоться, соседи ведь.

- Именно соседи, - зло выдавил Петро. Он уже обо всем догадался. - За что ж ты меня так, Пантелей Савельич. Не пожалел. Ну, так долг платежом красен. Иди отсюда, пока не выгнал...

- Не я, племяшка просила. Отомстить тебе за то, что, что... а сама на Север уехала дожидаться... Петро, прости меня. Займи эти деньги или что хочешь дай, - застонал Пантелей Савельич.

- Иди ты к едреной матери, - заорал Петро. - Сволочь!

Пантелей Савельич побитой собакой выбрел из Петрова двора, тут же за воротами ему стало плохо. Он упал. Вызвали скорую. Сбежались соседи. Началась обычная суета, как обычно, когда человек на улице на глазах у всех падает. Но когда врачи приехали, привычно оглядели Пантелея Савельича, так же привычно объявили, что Пантелей Савельич в этом мире лишний уже. И столь же привычно запихали тело в машину и уехали, оставив остолбенелых соседей с разинутыми ртами. Среди них такой же остолбенелый стоял и Петро, не заметивший, что голова его стала ясной и здоровой...